

MILHIST

INFO

Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного, часть I: стрелецкий голова Григорий Иванов сын Кафтырев

Первая из цикла статей - биографических очерков о командирах среднего звена русского войска XVI в. "Именно они, вторые и третьи полковые воеводы, головы сотенные и стрелецкие, казацкие и «у наряду», опытные ветераны и настоящие профессионалы, закаленные во множестве походов и сражений, неоднократно рисковавшие своей головой, находившиеся в самой гуще схватки, непосредственно руководили рядовыми бойцами, обеспечивая «большим» воеводам возможность на практике усвоить военные премудрости и завоевать победу. ... Поэтому их биографии представляют не меньший, а порой даже и больший интерес, чем жизнеописания «больших» воевод."

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2012/07/28/penskoy>

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного, часть I: стрелецкий голова Григорий Иванов сын Кафтырев [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. II. — С. 42-83. <<http://www.milhist.info/2012/07/28/penskoy>> (28.07.2012)

www.milhist.info

2012г.

В.В. ПЕНСКОЙ

**«ЦЕНТУРИОНЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО, ЧАСТЬ I:
СТРЕЛЕЦКИЙ ГОЛОВА ГРИГОРИЙ ИВАНОВ СЫН КАФТЫРЕВ**

У Дж. Хэлдона в его «Византийских войнах» есть фраза, которая гласит, что «в отличие от римских легионов I – II столетий византийские силы не имели надежного, испытанного, обладавшего высоким самосознанием и профессиональными навыками унтер-офицерского корпуса, способного организовывать и дисциплинировать свои части, зачастую исправлять тактические ошибки командиров»¹.

Мнение интересное, но спорное, и применительно к русским реалиям XVI в. с мэтром трудно согласиться, равно как и с мнением другого маститого историка, Я. Ле Бозка. Последний, характеризуя командный корпус римских легионов, указывал, что, поскольку «военная техника того времени не представляла большой сложности», то и «несколько недель практики командования были достаточными, чтобы усвоить ее основы»². Конечно, в этой связи возникает вопрос, а какое отношение имеют римские легионы I—II вв. н.э. или византийские тагмы конца I тыс. н.э. к русским ратям эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени? На это можно ответить шуткой — мол, Москва это III Рим, преемница «ветхого» Рима I и «нового» Рима II, Константинополя. Но, если серьезно, то существуют определенные аналогии между системой подготовки высших командных кадров в римской армии эпохи принципата и устройством фемной армии Византийской империи в последние века раннего Средневековья. Возвращаясь же к мнению Ле Бозка отметим, что, при всей разнице войны современной и войны средневековой, все равно война в то время являлась сложным делом, и чтобы стать настоящим профессионалом, нужны были годы походов и сражений, в которых набирался необходимый опыт, знания и навыки вождения многотысячных ратей. Попытки же молодых,

неопытных, но заносчивых и преисполненных самомнения аристократов взять на себя всю полноту командования и ответственности могли привести к весьма печальным последствиям, примеров чему в истории не счесть.

Но, в таком случае, возникает другой вопрос — кто тогда составлял ядро войска, был хранителем традиций, «дядькой» при молодых аристократах, постигавших на практике азы военного искусства? И снова одна примечательная цитата. С. Герберштейн, характеризуя татарские военные обычаи, писал, что «когда им (татарам. — В.П.) приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах вожатые (*ductores*), за которыми они следуют. Но если эти (вожатые) или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага»³.

В этой фразе обращает на себя внимание чрезвычайно важная роль татарских *ductores*'ов! Ведь выходит, что на поле боя именно татарские командиры низшего и среднего звеньев — главные организаторы победы, от их действий зависит если не все, то очень и очень многое. Но недаром русская поговорка говорит, что с кем поведешься — от того и наберешься (или другой ее вариант — скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты). Во 2-й половине XV — начале XVI вв. процессы «ориентализации» тактики, стратегии и комплекса вооружения русского войска, в особенности поместной конницы, зашли настолько далеко, что, по большому счету, в глазах тех же иностранных наблюдателей между татарским и русским воином не было никакой существенной разницы. Следовательно, можно с уверенностью утверждать — то, что говорят о татарах, приложимо и к русским. И напрашивается вывод,

главная тяжесть что «большой», что «малой» войны ложилась на плечи среднего и низового командного звена русского войска. Именно они, вторые и третьи полковые воеводы, головы сотенные и стрелецкие, казацкие и «у наряду», опытные ветераны и настоящие профессионалы, закаленные во множестве походов и сражений, неоднократно рисковавшие своей головой, находившиеся в самой гуще схватки, непосредственно руководили рядовыми бойцами, обеспечивая «большим» воеводам возможность на практике усвоить военные премудрости и завоевать победу. От них, настоящих «центурионов» Ивана III, Василия III и Ивана Грозного, как от татарских *ductores*'ов, во многом зависел на деле исход сражения и кампании в целом, как суммы сражений и схваток. Поэтому их биографии представляют не меньший, а порой даже и больший интерес, чем жизнеописания «больших» воевод.

Однако, увы, до сих пор историки, за очень редким исключением, обходят стороной эту тему. Почему? Ответ представляется достаточно простым. Увы, состояние источников XVI в. плачевно. «Худородные» служилые люди, из среды которых происходили московские «центурионы», попадали на страницы официальных летописей, разрядных и посольских книг в исключительных случаях. Государственные архивы (и прежде всего главный для нас — архив Разрядного приказа) пострадали очень сильно и до наших дней дошли лишь жалкие обрывки насчитывавшей тысячи и тысячи документов приказной документации. Серьезные утраты понесли монастырские архивы, но во много раз большие — домашние дворянские архивы. Вот и выходит, что при попытках реконструкции биографий начальных людей среднего уровня вопросов порой возникает больше, чем ответов, и приходится выстраивать конструкции, основанные на предположениях, допущениях и аналогиях. Тем не менее, при всех трудностях, сохранившиеся разбросанные в самых разных, порой неожиданных местах сведения (прежде всего летописи⁴, посольские книги⁵, актовые материалы, монастырские вкладные и кормовые книги с синодиками, родословцы и пр.) порой позволяют достаточно четко обрисовать

основные вехи жизненного пути и служебной карьеры некоторых таких «центурионов».

Одним из них и был стрелецкий голова Григорий Иванов сын Кафтырев, названный известным знатоком русской истории XVI в. С.Б. Веселовским «выдающимся военачальником своего времени»⁶. Правда, забегая вперед, отметим, что, на наш взгляд, мэтр погорячился, причислив Кафтырева к числу «выдающихся военачальников» времен Ивана Грозного, хотя сомневаться в профессионализме и воинских умениях Григория не приходится — его карьера тому свидетельством. Но обо всем по порядку, и для начала посмотрим, какого роду-племени был герой нашего повествования, ибо в те времена «дородство» значило очень и очень многое, во многом предопределяя будущую судьбу человека.

Упразднив в 1682 г. местничество, царь Федор Алексеевич и Боярская дума решили не только заново отредактировать «Государев родословец», но и завести отдельно еще одну родословную книгу для тех «старых же и честных родов», кто при «блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича, всеа России самодержца» «были в послах и в посланниках, и в полках, и в городех в воеводах; и в знатных посылках, и у него великого государя в близости, а в родословной книге родов их не написано»⁷. В течение ряда следующих лет несколько сот (историки называют разные цифры — от 600 и более) дворянских семей подали в Разрядный приказ в Москве свои родословные росписи, приложив к ним массу грамот и актов, подтверждающих давность происхождения их рода. Среди прочих подали свою роспись и дворяне Кафтыревы, и вот что было сказано в ней относительно древности рода и его родоначальника: «Лета 6749 (в 1241 г. — В.П.) году во дни благоверного и христоролюбивого вел. гос. князь Александра Ярославича Невского, который победил на Неве реке Нестора Влегела, короля Римского, и к нему, в. кн. Алдру Яросл-чу Невскому, на удел ево в Нижней Новгород выехал Узлы Мурза

Ягорович, кн. Кафимской земли, от изгнания царя Серпьского из вотчины своей Кафы; а от Узлы Мурзы пошли Кафтыревы»⁸.

К этой родословной росписи прилагались и две грамоты, переписанные с более древних актов. Одна из них была выдана великим князем Василием Дмитриевичем то ли в 1394 г., то ли в 1424 г. некоему Ивану Кафтыреву. В этой жалованной и несудимой грамоте великий князь жаловал Ивана льготами (по княжескому слову, с крестьян, что сумел бы привлечь вотчинник в свои владения, «не надобед мая дань и писчая белка, ни ям, ни подвода, ни иная никоторая пошлина») по той причине, «что его земля в Костромском уезде в Оседцком стану, и те де земли у него нынеча опустели мором и межениною вымерли, а иныя розошлись». Справедливости ради отметим, что есть определенные сомнения в подлинности этой грамоты, высказанные В.Б. Кобриним⁹. Кстати, Осецкий стан Костромского уезда стал чем-то вроде «родового гнезда» семейства Кафтыревых, и землями в нем они владели еще в конце XVII в.¹⁰ Другая грамота, выданная в апреле 1511 г. от имени Василия III, была адресована Федору Васильеву сыну Кафтыреву, внуку Ивана Кафтырева. В ней великий князь пожаловал своего верного слугу наместничеством в городке Орлов на Вятчине, повелев «всем людям тое волости чтить его и слушать»¹¹. Роспись также сообщала, что у Федора было два сына, Никита и Иван, а у них, в свою очередь, также по два сына — соответственно Леонтий с Федором и Яков с нашим героем.

Теперь попытаемся извлечь необходимую нам информацию из этих документов и из тех актов, что оказались недоступны Кафтыревым в конце XVII в. Прежде всего отметим наблюдение отечественного историка М.Е. Бычковой, исследовавшей историю создания поданных в Разрядный приказ в конце XVII в. родословных росписей, что «легенды, особенно описывающие выезд предка из Орды, характерны именно для росписей XVII в. и сопоставимы с другими родословными материалами того же времени. Потомки в прошлом рядовых семей, служивших вне Москвы, опираясь на записи летописей,

создавали **красочные легенды** (выделено нами. — В.П.) о своем происхождении, чтобы удревнить и облагородить своих предков»¹². Стоит ли после этого говорить, что никакой Узлы-мурза в Нижний Новгород при Александре Невском не приезжал (да и зачем ему это делать, в 40-х то годах XIII в., вскоре после того, как Батыево нашествие разорило Русь, а Орда была сильна и могуча?), а вся эта история была придумана каким-нибудь бойким на перо подьячим по заказу потомков нашего героя, нуждавшихся в «облагораживании» своего рода.

С другой стороны, зачем Кафтыревым нужно было придумывать историю с приезжим мурзой, если согласно приложенным к родословной росписи грамотам выходило, что их род служит московским государям по меньшей мере с начала XV в.? Может, дело в происхождении самой фамилии, выглядевшей не слишком «благородно»? Ведь, как писал выдающийся знаток русской истории того времени С.Б. Веселовский в своем «Ономастиконе», «каптырь — черное покрывало на камилавку»¹³, и, следовательно, можно предположить, что род Кафтыревых имел какое-то отношение к духовенству. Или же потомкам нашего героя было ведомо, что среди их предков были дьяки или подьячие? Во всяком случае, сохранилась костромская купчая середины XV в., писанная неким Степаном Кафтыревым¹⁴. Кстати, послухом при заключении этой сделки выступал другой представитель рода Кафтыревых — некий Василий. Но то ли гордыня, то ли спесь, то ли еще какое-то чувство — в конце XVII в. потомкам Григория Кафтырева происхождения от рядовых костромских вотчинников, живших два с половиной столетия назад, показалось недостаточно, и они решили, следуя моде, украсить свое родословное древо развесистой клюквой про некоего кафинского (кафимского — ?) мурзу.

Позволим себе усомниться в точности росписи, ибо даже сохранившихся отрывочных актов и других документов начала XVI в. достаточно для того, чтобы поставить под вопрос сообщаемые ею сведения. Синодик Переяславского Успенского Горицкого монастыря, датируемыйдесятью —

двадцатыми годами XVII в., среди прочих поминаемых называет последовательно нескольких представителей рода Кафтыревых (в синодике они названы Каптыревыми): Павла, Никифора, Василия (не тот ли это Василий, который был послухом в упомянутой выше костромской купчей?) и Данилу (напрашивается предположение, что Данила был сыном Василия)¹⁵. И как тут не вспомнить духовную грамоту тех же лет костромского боярского сына Семена Матафтина, в которой упомянут Нелюб Степанов сын Кафтырев и брат его Семен, за которым числился долг Матафтину деньгами и зерном. Не являлись ли Нелюб и Семен сыновьями дьяка Степана Кафтырева?

Однако еще интереснее выглядит упоминание Матафтиным среди прочих Кафтыревых Ивана Данилова сына, который должен был ему «рубль денег по кобале»¹⁶. Можно предположить, что этот Иван — сын того самого Данилы, который внесен в синодик Горицкого монастыря, и этот Иван Кафтырев, в отличие от Федора, был довольно известной личностью. Во всяком случае, когда в 1504 г. Иван III пожаловал своего сына Юрия городом Кашином, именно Ивана Данилова сына Кафтырева отправил он «городу Кашину з городом с Ростовом розъезд учинити» в 1504 г.¹⁷ Выходит, что Иван Кафтырев уже в начале XVI в. служил великому князю и был у него на виду. Не потерялся Иван и при наследовавшем Ивану III Василии III. Он снова выступает в роли государева посланца-землемера, а в 1525 г. — послуха при заключении сделки о продаже вотчины между братьями Корсаковыми и Даниловым Переяславль-Залесским монастырем¹⁸. Отметим также, что, судя по сохранившимся грамотам, Кафтыревы были в родстве не только с Матафтиными, но через последних и с родом Полевых.

Но вернемся к Ивану Данилову сыну Кафтыреву. Из тех данных, которыми мы располагаем, напрашивается вывод — именно он и был отцом нашего героя. Конечно, полной уверенности в этом нет, но имеется ряд моментов, позволяющих утверждать это с высокой степенью уверенности. Для начала — что мы знаем о Григории Кафтыреве, прежде всего о начале его биографии?

Увы, год его рождения нам неизвестен. Попытаемся определить примерно, когда он мог появиться на свет, исходя из скудных известий о начале его служебной карьеры. Известно, что в 1550 г. Григорий вместе со своим братом Яковом был внесен в знаменитую Тысячную книгу как сын боярский 3-й статьи, коему полагалось поместье в Московском уезде в 100 четвертей земли, а также записан в Дворовую тетрадь, составленную несколько позже Тысячной книги¹⁹. Сомнительно, что Григорий мог оказаться в числе тысячников сразу после верстания, следовательно, скорее всего он попал в число «избранных» отличившись на поле брани. А где он мог поратоборствовать, да так, чтобы молодой царь заприметил столь же юного, но смелого и бесшабашного сына боярского? Только в походах на Казань, которые предпринял Иван вскоре после того, как венчался на царство! Отсюда можно сделать вывод, что родился Григорий Кафтырев не позднее 2-й половины 20-х — самого начала 30-х гг. XVI в. Обращает на себя внимание и такой факт — в Дворовую тетрадь и в Тысячную книгу Григорий записан как переяславский сын боярский.

Теперь обобщим эти сведения. Выходит, что родился Григорий в конце 20-х — начале 30-х гг., у него имелось поместье в Переяславском уезде, он был записан в дворовые дети боярские и в тысячники — это сразу выделяло нашего героя на фоне тысяч и тысяч рядовых детей боярских, от которых «не осталось порой имен». Теперь о совпадениях в биографиях Ивана Данилова сына Кафтырева и Григория. По времени полностью исключить возможность, что именно Иван был отцом Григория, нельзя. Дальше, у Ивана Кафтырева, судя по всему, было поместье именно в Переяславском уезде. Наконец, поскольку и Иван III, и Василий III поручали ему выполнение ответственных поручений, следовательно, его служба была на виду у великого князя, при его дворе.

Если наше предположение верно, то тогда картинка складывается и все встает на свои места. Будучи дворовым сыном боярским, «аргумачником и кутазником», Иван Кафтырев вписал своих сыновей (а их у него было по меньшей мере трое — Меньшик, Григорий и Яков) в число дворян великого

князя. Тем самым у Григория, в сравнении с рядовыми городскими детьми боярскими, изначально были неплохие стартовые позиции. Конечно, в силу своего «худородства» (похоже, что в XVI в. о своем происхождении от «кафимского мурзы» Кафтыревы еще не догадывались) Григорий не мог претендовать на должность полкового воеводы, но стать головой ему было легче и проще, чем остальным служилым людям. Оставалось лишь оказаться в нужное время в нужном месте и проявить должную сноровку и рвение — за Богом молитва, а за царем служба не пропадет. Судя по всему, так и получилось. Григорий, следуя советам из «Поучения отца сыну», сумел в первых казанских походах Ивана IV «роду своему честь наехать, а себе добро имя». И когда в 1550 г. «учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси выборных стрелцов и с пищалей 3000 человек», то в число 30 первых «выборных» стрелецких сотников («а у всяких у ста человек сын боярской»²⁰), видимо, попал и юный Григорий Кафтырев. Начальный, и очень успешный, шаг в своей карьере он сделал — ведь при изучении биографий первых стрелецких начальных людей складывается четкое и недвусмысленное впечатление, что молодые головы и сотники «огненных стрелцов», одногодки Ивана, были его выдвиженцами, опорой молодого царя, его руками, глазами и ушами. Им он доверял и не боялся поручать выполнение ответственных, чрезвычайно важных, иногда щекотливых поручений, и стрелецкие начальные люди, облеченные доверием царя, порой в буквальном смысле вершили судьбы царств и царей.

Если наше предположение верно, то стрелецкий сотник Григорий Кафтырев непременно поучаствовал в знаменитой кампании 1552 г., закончившейся падением столицы Казанского ханства и ознаменовавшей начало нового этапа в отношениях между Москвой и осколками Золотой Орды. Стрельцы в этой кампании приняли самое активное участие, полностью оправдав свое звание «выборных» бойцов. Очевидно, отличился в казанском походе и Григорий, ибо спустя три года мы видим его уже на новой должности — стрелецкого головы.

Наделенный чрезвычайными полномочиями, он отправляется со своими людьми в Астрахань. Но прежде чем перейти к этой странице биографии нашего героя, несколько дополнительных штрихов к его облику. Сохранилась купчая, датируемая 7602 (1553/1554) годом, составленная по случаю продажи Андреем и Матреной Борисовыми детьми Ступишина своей вотчины в Нерском стане Переяславского уезда боярину Ивану Васильевичу Шереметеву²¹. Одним из послухов при заключении этой сделки был наш герой, из чего следует, во-первых, что, скорее всего, осенью-зимой 1553/1554 гг. Григорий был отпущен (из Москвы – ? Из Казани – ?) на побывку домой; во-вторых, его поместье, вероятно, также находилось в Нерском стане и, в-третьих, поскольку на грамоте присутствует его «рукоприкладство», наш сын боярский был сведущ в письме, умел читать и писать.

Вернемся к астраханской истории. Весной 1555 г. «по Смаилеву (речь идет о ногайском бие Исмаиле. — В.П.) челобитью — писал летописец, — на Волгу послал (Иван IV. — В.П.) голову стрелецкого Григория Кафтырева с стрелцы да Федку Павлова, а велел беречи на Волге по перевозом от Исуфовых детей и во Астрахань с Дербышом царем ссылатся, каковы будут вести, и им грести во Асторохань помогати Асторохани»²². Теперь попытаемся извлечь из нескольких скурых летописных строк максимум информации, тем более что она, эта информация, представляется важной. Как-никак, а новоявленный стрелецкий голова (интересно, какой стрелецкий прибор он возглавил — Матвея ли Ржевского, отправившегося к тому времени воеводой в Путивль, убитого ли под Казанью Василия Прончищева или же Григория Пушечникова?) выступает одновременно и в роли военачальника, и дипломата. Тут впору говорить, переиначивая знаменитое выражение, о «дипломатии стрельцов», которую активно применял в отношении татарских «юртов» Иван Грозный, начиная со времен покорения Казани!

Итак, прежде всего немного предыстории. Астраханский узелок завязался еще в конце 40-х гг. XVI в. В 1547 г. воинственный крымский хан Сахиб-Гирей

взял Астрахань и, «победив астраханского хана Ямгурджи, рассеял его подданных, а избежавших смерти мужчин и женщин, со всем имуществом и богатствами переселил в Крым»²³. Правда, сам Сахиб-Гирей в городе не остался, ибо, как он писал Ивану IV вскоре после успешного завершения своей экспедиции, ему показалось, «что место недобро»²⁴. Однако вторжение крымцев привело к изменению военно-политической обстановки в регионе, что задевало интересы и Москвы, и ногаев. Сам Ямгурчи, с трудом избежавший пленения, бежал из города, и в низовьях Волги на несколько лет воцарилась анархия и безвластие. Астрахань несколько раз переходила из рук в руки, одно время, в конце 1549 г., городом даже владели русские казаки²⁵.

Казалось, что все закончилось в 1551 г., когда в Москву прибыли послы от Ямгурчи, «Ишим-князь с товарищи, а били челом царю и великому князю от Емгурчея царя, чтобы его царь и великий князь пожаловал, велел себе служить и с юртом»²⁶. Иван «пожаловал» хана, который в то время обретался, видимо, в Кабарде, у своих союзников, и «посадил опять на Астрахани»²⁷. Ямгурчи, таким образом, обязался стать московским вассалом и, учитывая тот факт, что в Казани был посажен другой вассальный «царь», Шигалей (Шах-Али), Иван и Боярская дума могли рассчитывать на то, что теперь практически вся Волга находится так или иначе под их контролем.

Однако если состояние эйфории от одержанных успехов на дипломатическом поприще в Москве и было, то продержалось оно недолго — лишь несколько месяцев. Затем все резко переменилось. Сперва Шигалей был вынужден бежать из Казани, где победила прокрымская партия, а затем пришли плохие вести и из Астрахани. С началом навигации на Волге туда отправился московский посланник Севастьян Авраамов вместе с Ишим-князем «видети царевы Емгурчеевы правды, на чем от него послы его били челом, и его и землю х правде привести»²⁸. Однако Ямгурчи, полагая, что оказанная услуга — уже не услуга, решил, что можно забыть о данном обещании. Голландец Исаак Масса спустя шестьдесят лет после этих событий писал, что с царским

посланником «обошлись весьма дурно, даже хуже, нежели с посланцами царя Давида, отправленными к Аннону, царю аммонитов, а сверх того с насмешками выгнали из Астрахани»²⁹.

Грубо обошедшись с царским послом, Ямгурчи тем самым сам выкопал себе могилу — стерпеть такое оскорбление Иван IV не мог, тем более, что сперва его унизили казанцы, изгнав русского ставленника, а теперь еще и астраханцы. Тот же Масса, передавая слухи, ходившие в Москве, писал, что царь, получив известие об измене «Емгурчей, царя Азтороханьского», «сильно разгневался и поклялся: прежде, чем наступит зима, до основания уничтожить Астрахань, и никому не хотел больше оказывать милости и поклялся всех истребить мечом»³⁰. Конечно, по прошествии стольких лет впечатления от этой новости поблекли и были перекрыты более свежими и яркими, благо их хватало, поэтому не стоит серьезно воспринимать слова голландца. Тем не менее, очевидно, что царь, обладавший горячим и пылким нравом, был взбешен, и только необходимость сперва разобраться с казанскими изменниками и отразить вторжение крымского «царя» Девлет-Гирея вынудили его отложить месть неверному вассалу до лучших времен. Но возмездие было неизбежно, ибо сведения, поступившие в Москву из Ногайской Орды и от Севастьяна Авраамова, рисовали картину весьма мрачную. Ямгурчи, стремясь укрепить собственную власть, перебил своих родственников, способных претендовать на престол («побил всех Ямгурчей царь и братью и племянников, проча себе юрта, чтоб ему от них промешки не было...»³¹), и завязал сношения с новым крымским ханом, Девлет-Гиреем.

Последний, свергнув Сахиб-Гирея, отнюдь не собирался отказываться от агрессивной политики своего предшественника. Не имея возможности оказать непосредственную помощь Ямгурчею людьми и деньгами (сперва надо было спасти Казань от гнева Ивана IV), крымский «царь», тем не менее, не оставил астраханца без своей поддержки и отправил тому 13 пушек вместе с инструкторами. По тем временам это была серьезная подмога, не даром одно

только известие о том, что Сахиб-Гирей намерен отправить в Астрахань несколько пушек и пищалей, ускорило экспедицию ногаев на Крым зимой 1548/1549 г., закончившуюся печально известной «Ногай кыргыны» — резней взятых в плен ногайских воинов³². Да и отказать в помощи астраханцу Девлет-Гирей не мог — в противном случае его бы не поняли собственные князья и мурзы, да и Стамбул был бы недоволен. Не зря же в самом начале 1552 г. султан Сулейман Великолепный писал крымскому хану, что «поскольку вы обладаете разнообразными сведениями и познаниями обо всех делах, касающихся этих областей – как Астрахани, так и ногаев и Московии, все связанные с этими землями дела препоручены вашему ясному разумению». Ну, а раз так, то «царю» предписывалось принять «все необходимые меры, касающиеся дел в Астрахани, [дабы] враги не познали победы, и [эта область] была охраняема и защищаема от презренных неверных»³³.

Все это вместе взятое не могло не навести Москву на мысль о необходимости свержения Ямгурчи, и как только руки у нее оказались развязаны, время, отведенное астраханскому «царю», истекло. В октябре 1553 г. в русскую столицу прибыли ногайские послы, доставившие Ивану IV послание от Исмаила-мурзы и его союзников. В нем «Смаиль-мырза» со товарищи изъявляли желание, чтобы «их государь царь и великий князь пожаловал, оборонил бы от Емгурчия царя Азстораханского, отпустил бы на Азсторохань Дербыша царя Азстораханского да рать свою послал, и посадил бы на ней Дербыша царя, а Смаил и с иными мурзами его цареву дело учнут делати, как им царь и велики князь велит»³⁴. Явление послов от Исмаила и его союзников было как нельзя кстати. Дальнейшее промедление с разрешением астраханского вопроса грозило укреплением в этом улусе позиций Девлет-Гирея, чего в Москве никак допустить не хотели по двум причинам. Во-первых, тогда под угрозой оказались бы отношения с Ногайской Ордой, и без того достаточно сложные, ибо ногайский бий Юсуф, старший брат Исмаила, все более и более ориентировался в своей политике на Крым; а во-вторых, в

недавно завоеванной и так до конца и не замирившейся Казани можно было ожидать новых выступлений против московской власти. Одним словом, астраханский узелок надо было развязывать, и быстро. Поразмыслив с боярами и припомнив Ямгурчи все его вины, «за свою обиду и срамоту, яже царь Ямгурчей обеты своя изменил и посла ограбил, и по Нагайских мурз челобитью», Иван решил отправить войско против астраханского хана и посадить на его трон татарского «царевича» Дервиш-Али, с осени 1551 г. обретавшегося в России³⁵.

Посланную весной 1554 г. против Ямгурчи трехполковую рать возглавил князь Ю.И. Пронский «с товарищи», а с ними вниз по Волге, «как лед вскрыется», отправились «дворяне царского двора и дети боярские из разных городов выборов, да стрелцов и казаков» и даточных людей с Вятки, Перми и Нижнего Новгорода³⁶. Вместе с ними был и Дервиш-Али. Сам Исмаил, «завоевавшийся» со своим братом Юсуфом, к экспедиции присоединиться не смог, да в этом и не настояло особой нужды — сил у князя Пронского и без того было достаточно. По опыту аналогичных походов 50-х — начала 60-х гг. XVI в. они могли насчитывать до 10 тыс. ратных людей. Ямгурчи был разбит, бежал, бросив победителям свой гарем, полученную от Девлет-Гирея артиллерию, «да и набаты царицы».

2 июля 1554 г. князь Пронский «с товарищи» посадили Дервиш-Али ханствовать в Астрахани, привели «х правде» астраханцев и обложили их данью в пользу русского царя. Поймать Ямгурчи, несмотря на все предпринятые попытки, Пронскому не удалось. Оставив в городе небольшой гарнизон из казаков под началом сына боярского П. Тургенева, воевода со своей ратью, освобожденным русским полонем, царским семейством и трофеями отправился в Москву. В столицу они прибыли в октябре того же года «дал Бог здорово, и государь их (Пронского и его людей. — В.П.) жаловал великим жалованием»³⁷.

А теперь вернемся к судьбе нашего героя. К сожалению, нельзя с уверенностью сказать, участвовали ли Григорий Кафтырев в экспедиции князя Пронского. Однако осмелимся предположить, что он все же побывал тогда в Астрахани в качестве стрелецкого сотника в «приборе» Г.В. Пушечникова. В самом деле, в следующем году Пушечников уже командует детьми боярскими в «польском» походе воеводы И.В. Шереметева Большого, а наш герой во главе стрельцов отправляется в Астрахань. Следовательно, нет ничего невозможного в том, что сотник Григорий Кафтырев за отличие в первом астраханском походе получил повышение и был пожалован царем в головы одной из первых шести стрелецких статей, заменив убитого на «крымский фронт» своего бывшего командира. Кстати, можно даже примерно прикинуть, когда состоялось повышение Кафтырева. Отправляя 9 марта 1555 г. посольство к ногаям, Иван IV писал, что он намерен послать на Волгу Григория Жолобова. 11 же марта Иван IV с боярами «приговорил» «...послати на крымские улусы воевод боярина Ивана Васильевича Шереметева с товарищи», а Григорий Жолобов был назначен одним из голов в этой рати³⁸. Следовательно, назначение Григория Кафтырева стрелецким головой вполне могло состояться вскоре после 11 марта 1555 г., и в этом новом качестве он оказался в самом водовороте политических страстей и дипломатических интриг.

Казалось, что с посажением на астраханский стол Дервиш-Али «узелок» развязан, и можно было вздохнуть с облегчением. В Москве продолжали «жаловать» своего астраханского вассала, рассчитывая на его верную службу и далее. Так, отправляя в начале марта 1555 г. посольство к ногаям, Иван IV писал, что «присылал к нам бити челом Дербыш царь о Ямгурчеевых царицах, и мы к нему царицы отпустили с своим сыном боярским с Левонтьем Мансуровым и Астараханской юрт велели есмя беречи тому ж Левонтью. А с Левонтьем есмя послали казаков и пищальников многих»³⁹. Спустя месяц в Москву прибыл гонец от сына Дервиш-Али Джан-Тимура, который привез грамоту, а в ней было сказано, что Ямгурчи попытался взять реванш. Получив

поддержку Девлет-Гирея (хан прислал некоего Шигая-богатыря с «крымцы и янычане») и Юсуфовичей, сыновей ногайского бия, убитого своим братом Исмаилом, в марте 1555 г. Ямгурчи явился под Астрахань. Бывший астраханский «царь» и его люди, сказано было в послании, «приступали к городу, и Дербышь царь и все астороханьцы, наряд на горе исправя и казаков в пищалми царя и великого князя приготовив, с ними билися и побили у города многих ис пушек и ис пищалей и прогнали их»⁴⁰.

Однако очень скоро оказалось, что на самом деле все не так, как могло показаться на первый взгляд. Демонстрируя преданность своему сюзерену, Дервиш-Али тем временем вынашивал планы сменить хозяина. Дело в том, что, вскоре после успешного завершения миссии Пронского, Иван IV включил в свою царскую титулатуру наименование «Астраханский», причем Сигизмунд II Август, король Польши и великий князь литовский, признал новый титул «московского», а Петр Тургенев стал царским наместником в Астрахани⁴¹. Очень скоро Дервиш-Али пришел к выводу, что его не устраивает положение царского вассала и пора что-то делать, чтобы изменить свой статус в лучшую сторону. Удобный случай представился как раз в марте 1555 г. Оказывается, в послании Джан-Тимура была сказана правда, но не вся.

В мае 1555 г. Петр Тургенев прислал из Астрахани грамоту, в которой сообщал Ивану, что при нападении Ямгурчи Дервиш-Али вступил в тайные переговоры с Юсуфовичами и переманил их на свою сторону. Юсуфовичи разгромили Ямгурчи, затем Дервиш-Али переправил их с 3 тыс. воинов на левый берег Волги, после чего братья напали на союзника Ивана бия Исмаила, согнали его с ногайского стола и захватили власть в Ногайской Орде. Более того, Тургенев писал, что астраханский хан сделал своим преемником-калгой некоего крымского царевича Казбулата.* В ответ же на требования царского

* Это загадочный персонаж, ибо среди крымских «царевичей» того времени такого как будто нет. Однако обращает на себя внимание тот факт, что

наместника прекратить сношения с «крымским», Дервиш-Али попросту перестал принимать Тургенева, который решил вернуться домой, не дожидаясь прибытия Мансурова. Не намекнул ему хан, что если сын боярский не уймется, то совершенно точно не сносить ему головы?⁴² Тогда же, в мае 1555 г., в Москву прибыли ногайские послы от бия Исмаила. Бий, обеспокоенный действиями Юсуфовичей и стоявшим за их спиной Девлет-Гиреем, среди всего прочего писал Ивану о том, что де «нам (т.е. ему, Исмаилу с братьей. — В.П.) бы тово беречи, чтобы к Астрахани полем рати не пустили. А ты (т.е. Иван IV. — В.П.) тово вели беречи, чтобы водяным путем не пришли, на всех перевозех вели по перевозом по двесте человек поставити. А ныне бы еси прислал мне дватцать пищалников да три пушечки и стрелцы, хто стреляет из них. А кого нам пошлешь, и ты посылай Волгою»⁴³.

В свете всего этого представляется, что ссылка Дервиш-Али с Юсуфовичами была не случайной — еще покойный бий Юсуф под конец своего правления склонился к союзу с Девлет-Гиреем и осенью 1553 г. даже попытался отправиться в поход на Москву. Посадив же кого-либо из его сыновей на ногайский стол, Девлет-Гирей мог рассчитывать сделать ногаев своими союзниками в противостоянии с Москвой. Обращает на себя внимание, что весной все того же 1555 г. Девлет-Гирей предпринимает большой поход на Москву — уж не с тем ли, чтобы отвлечь внимание Ивана от астраханских и ногайских дел? Одним словом, не прошло и года после бегства из Астрахани Ямгурчи, как ситуация в низовьях Волги снова накалилась до предела.

Сопоставив сведения, полученные из Астрахани, из Крыма и просьбы Исмаила, царь, посоветовавшись с боярами, решил изменить прежние планы.

в сражении при Молодях в 1572 г. русскими ратниками в плен был взят некий астраханский царевич Хаз-Булат. Не был ли он тем самым загадочным Казбулатом?

Предварительный расклад был таков, что Леонтий Мансуров со своими людьми, сопровождая ямгурчевых «цариц», должен был отправиться вниз по Волге в Астрахань. Григорию Жолобову, а потом сменившему его Григорию же Кафтыреву, предстояло заняться изведением «воровских» казаков на Волге («которые холопы из наших земли выбежали и стоят на Волге, а у вас лошади крадут и гостей побивают, а наших рыболовей грабят и побивают же, и мы на тех послали своего сына боярского Григорья Жолобова. А велели их, добыв, побить»), которые сильно досаждали бию Исмаилу и его мурзам. Одновременно Жолобов и его стрельцы получили приказ охранять перевозы через Волгу, препятствуя Юсуфовичам переправиться на левый берег⁴⁴. Однако новые известия из Крыма, Астрахани и Ногайской Орды внесли серьезные коррективы в этот план. Жолобов отправился, как мы уже писали выше, на «крымский фронт», сменивший его Григорий Кафтырев получил на усиление казаков во главе с атаманом Федором Павловым и новый приказ. Как писал Иван Исмаилу в начале июня 1555 г., «в Астрахань велел есмь поспешити с Волги своему сыну боярскому Григорью Кафтыреву и велели есмь ему стояти в Астрахани и Астрахани беречи до тех мест, доколе придет в Астрахань наш сын боярской Левонтей Мансуров с царицами». И, естественно, Григорий по прежнему должен был стеречь волжские перевозы, не допуская Юсуфовичей на левый берег, выделив три десятка своих людей Исмаилу «в помочь». При этом наш стрелецкий голова, видимо, получил чуть ли не чрезвычайные полномочия — вплоть до того, что он мог взять штурмом Астрахань и пленить Дервиш-Али⁴⁵.

Новый приказ застал Григория, судя по всему, уже в пути — о намерении отправить ратных людей на Волгу Иван Грозный заявил уже в феврале, значит, в марте они должны были собраться в Нижнем Новгороде, откуда обычно стартовали волжские экспедиции. Сразу после того, как Волга вскрылась ото льда, Кафтырев со своими стрельцами и Павлов с казаками на стругах отправились вниз по великой реке. Вряд ли их было больше тысячи, но у страха

глаза велики, и ногайский посол Байтерек поспешил сообщить своему господину, бию Исмаилу, что де с Григорием и Федором идет войско великое, не много ни мало, а целых 20 тыс. ратных людей!⁴⁶ По пути Кафтырев встретил Тургенева, который плыл ему навстречу. Бывший царский наместник в Астрахани сообщил стрелецкому голове, что де «его отпустил Дербыш царь к царю и великому князю, а послов своих не послал, а сказывает, у него ссылка с крымским царем». Григорий, выслушав Тургенева, немедленно отписал о полученных вестях в Москву (куда его грамота прибыла в мае, следовательно, встреча бывшего наместника и стрелецкого головы в ранге чрезвычайного посланника состоялась не позднее первых чисел того же месяца 1555 г.), а сам вместе с Тургеновым, которого он поворотил назад, скоро погреб со всеми своими людьми в Астрахань⁴⁷.

Что произошло после того, как наш герой достиг Астрахани, стало известно в августе, когда в Москву прибыл гонец от бравого стрелецкого головы — сотник Степан Кобелев. Сотник доставил грамоту, в которой Григорий писал царю, что когда он со своими людьми и с Петром Тургеновым явился под Астраханью, то обнаружил, что город пуст. «Дербышь-царь и все астороханьские люди из города вбежали потому: солгали им, что на них царь и великий князь рать прислал и побити их велел всех, и они от страху повыбежали»⁴⁸. Бегство Дервиш-Али было, конечно, неприятностью, хотя, собственно говоря, этого и следовало ожидать после всех предыдущих действий хана. Чувствуя себя виноватым, он, конечно, не стал дожидаться прибытия московского эмиссара, от которого не ждал ничего хорошего.

Однако опасения Дервиш-Али не оправдались. Пока наш герой добирался до Астрахани, ситуация снова переменилась. Девлет-Гирей не только сам отправился в поход на Москву, но и поспешил защитить переметнувшегося на его сторону астраханского «царя». В помощь Дервиш-Али были отправлены три крымских «царевича», «князь» Чегилек и взамен утраченных Ямгурчи — новые пушки и пищали⁴⁹. Неясно правда, успели ли помощники к Дервиш-

Али или же Григорий их опередил (кажется, что все же бравый стрелецкий голова прибыл к Астрахани раньше), сколько людей было с «царевичами» (вряд ли очень много — большую часть крымской рати Девлет-Гирей забрал с собой), да и были ли они вообще (мало ли какие слухи бродили по степи). Ясно одно — Кафтырев не стал рубить сплеча, а вступил в переговоры, «со царем Дербышем сослался и со всеми астороханскими людми и сказал им, что их царь и великий князь пожаловал, и посла к Дербышу Леонтия Мансурова послал, и царицы отпустил, и их послов Клеша и Тинотаря отпустил, и дань им государь на сесь год пожаловал отдал»⁵⁰. В результате было достигнуто внешнее примирение — Дервиш-Али со своими подданными вернулся в Астрахань, а вскоре (судя по всему, в конце июля — первых числах августа) в город рекой прибыл и Леонтий Мансуров с астраханскими послами и «царицами». Однако отношения между русскими и татарами оставались напряженными. В одной из разрядных книг было отмечено, что «в одном городе («большом» — В.П.) учал жить царевич Дербыш с татар, а в другом («малом» — В.П.) городе сел Левонтей Мансуров з государевыми людми», то есть, не доверяя друг другу, русские и астраханцы предпочли жить порознь»⁵¹.

Пробыв в Астрахани до поздней осени, Григорий Кафтырев со своими людьми в ноябре 1555 г. вернулся домой, в Москву. Привезенные им сведения были не слишком утешительны. По словам головы, «Дербышь-царь царю и великому князю не прямит, в Крым ссылается и на Исмаиля-князя выбитых из Нагай мурз перевез и укрепился с ними, что ему на Исмаил с Юсуповыми детми стояти заедин». Вслед за ним в Москву прибыли и послы от бия Исмаила и его мурз, которые в один голос жаловались на Дервиш-Али, что де он «наших недругов к себе примаает и зговарьетца с ними», потому лучше было бы, если Иван возьмет Астрахань и поставит там свой город⁵². К тому же в Москве стало известно, что после ухода Григория Кафтырева и его стрельцов Дервиш-Али вместе с Юсуфовичами осадил «малый» городок, «повели гору поленну, и как ветер потянул на город, и татаровя подвезли под город нефти и гору зажгли. И

государевы люди от дыму из города побежали к судом, и суды все просечены. А Левонтей ушел с семью человеки на плотке на верхней острог»⁵³. В итоге в Москве было окончательно решено ликвидировать остатки астраханской самостоятельности, что и было осуществлено на следующий, 1556 год. Однако в завершающем акте астраханской драмы Григорий Кафтырев участия уже не принимал.

Где и как провел следующие три года Григорий — увы, история об этом умалчивает. Можно лишь догадываться, что он, по-прежнему исполняя обязанности стрелецкого головы, нес службу в Москве при дворе Ивана IV. Можно также предположить, что он и его стрельцы приняли участие в том самом знаменитом смотре в конце 1557 г., который столь красочно был описан неизвестным англичанином (опять налицо яркий пример «дипломатии стрельцов»!). И вместе с «прибором» Тимофея Тетерина Григорий со своими бойцами участвовал в знаменитом зимнем набеге царских войск на Ливонию 1558 г., в ходе которого подверглись беспощадному опустошению и разорению земли Ордена и дерптского епископа⁵⁴. Затем он снова исчезает со страниц летописей и сохранившихся документов того времени. Очевидно, что наш герой со своими стрельцами находился, скорее всего, в Ливонии, но где именно — неизвестно. Проходит почти два года — и мы видим Григория с его людьми в гарнизоне Юрьева в конце 1559 г., когда город был осажден ливонскими войсками под началом магистра Г. Кетлера и рижского архиепископа Вильгельма. Вполне возможно, что именно Кафтырев со своими стрельцами составили костяк того отряда, что прошел в город, невзирая на то, что под ним стоят ливонцы. После того, как осада Дерпта провалилась и 29 ноября 1559 г. магистр да архиепископ со своими людьми отступили от города, гарнизон Юрьева, ободренный одержанной над «маистром» победой, не оставил их в покое. Юрьевский воевода князь А.И. Катырев-Ростовский раз за разом отправлял вдогонку за отступающими «немцами» «лехкие» рати, в одной из

которых был и наш герой со своими людьми. «И они дошли, — писал летописец, — последних людей и тех побили и взяли тридцать семь языков»⁵⁵.

Отдых был коротким, не прошло и нескольких недель, как стрельцы Григория по государеву указу собираются в новый поход. Магистр, атаковав русских поздней осенью 1559 г. под Юрьевым, а затем и попытавшись осадить сам город, нарушил заключенное в апреле того же года сроком на 7 месяцев перемирие. Иван Грозный решил отправить рать на «ливонских немцев», за «их измену» покарав огнем и мечом. Место сбора большой пятиполковой (полки Большой, Передовой, Правой илевой и Сторожевой) рати во главе с боярином князем И.Ф. Мстиславским было назначено во Пскове, традиционном пункте, откуда начинали свои походы против ливонцев русские войска. О том, что рать, отправленная вразумлять «немцев», была немалой, можно судить потому, что, во-первых, начало над ней было поручено князю Мстиславскому — одному из опытнейших и вместе с тем родовитейших русских военачальников того времени; во-вторых, войску придавался наряд под командованием боярина М.Я. Морозова, который успешно руководил действиями «большого наряда» под Казанью в 1552 г.; в-третьих, под одиннадцатью воеводами ходили 44 сотенных головы (соответственно 14 в Большом полку, 9 в полку Передовом, столько же в Правой руки, и по 6 в полкахлевой руки Сторожевом), не считая 10 голов при наряде и татар казанских, астраханских и служилых вместе с новокрещенами⁵⁶. Общую численность царского войска по опыту аналогичных походов того времени можно определить примерно тысяч в пятнадцать или несколько более «сабель» и «пищалей», не считая кошевых-обозных, посохи, обслуживающей артиллерию, и прочих. Среди «пищалей» были и стрельцы Григория Кафтырева со своим командиром.

Как это уже неоднократно случалось прежде, магистру нечего было противопоставить русским. Неудачная осада Дерпта и еще более провальная попытка взять защищаемый русскими стрельцами и детьми боярскими Лаюс

(Лаис) подорвали его авторитет, вдобавок у него кончились деньги на оплату наемников. В итоге, как с иронией писал ливонец Ф. Ниенштедт в своей хронике, «золото было уже истрчено и наемники были недовольны, потому что нечем было платить им. Таким образом они разошлись во все стороны, и зима окончательно разложила войско. Так всегда бывает, когда хочешь искать роз в снегу: Ганс Гау не может сносить лифляндской зимы с ее сильными холодами и, таким образом, пиво, как говорится, утекло». С остатками своего воинства магистр укрылся в замке Оберпален, а артиллерию свез в Феллин⁵⁷, и Ливония осталась, уже в который раз, беззащитна перед жаждущими мести и добычи русскими ратями.

17 (по другим данным 18) января 1560 г. полки Мстиславского пересекли границу и вторглись в ливонские земли⁵⁸. Поход начинался в суровых условиях. Псковская летопись сообщала, что «зима тогда была безснежна, толко сем недель было снегом»⁵⁹. Видимо, по этой причине Мстиславский придержал главные силы, выслав вперед «лежкую» рать (на 3 полка с четырьмя воеводами во главе с князем В.С. Серебряным). «Князь Василей с товарищи», по словам псковского летописца, «воевал промеж Веля (Феллин. — В.П.) да Икеси (Венден. — В.П.) Велянские места и Кеские и Володимретцкие (прилегающие к Вольмару. — В.П.) и иные многие места», подчеркнув при этом, что «преже сего те были не воеваны, а пришли на них безвестно, и взяша в полон множество людей и всякого живота и скоту и побиша многих». Ливонские источники дополняют этот список разоренных местностей окрестностями Тарваста, Каркуса, Руена, Гелмеда, а городок Шмилтен был взят и сожжен вторично⁶⁰.

Действовали ли в этом набеге посаженные на-конь стрельцы нашего героя вместе с ним — неизвестно, хотя в этом нет ничего невозможного (опять таки по опыту предыдущих аналогичных набегов в ту же Ливонию). Но вот в осаде и взятии одной из важнейших ливонских крепостей, Мариенбурга, или как ее называли русские, Алыста, они участвовали совершенно точно. Видимо,

дождавшись момента, когда, наконец-то, установился снежный покров и можно было теперь перебросить артиллерию к нужному месту, Мстиславский повел на неприятеля все свои силы. Ливонский хронист И. Реннер, оценивая численность русской рати, подступившей к Мариенбургу, писал, что их было 20 тыс. — в принципе, вполне возможная цифра, если Реннер со слов очевидцев и русских пленных посчитал сюда не только «сабли и пищали», но и всякого рода обозную прислугу. Артиллерия Мстиславского, по словам хрониста, состояла из 7 *kartouwen* (картаун), 5 *halve kartouwen* (полукартаун), 2 *scharpe metzen*, 4 *slangen*, 6 *fuirvorsers* (огнеметательных мортир) и 5 *grote steinbussen* (больших камнеметов), не считая более мелких орудий — и в самом деле, весьма и весьма приличный «наряд»⁶¹.

Соединившись под Алыстом с «лехкой» ратью, князь обложил город и начал его осаду. Она продолжалась три дня. За это время, по словам летописца, «боярин Михаил Яковлевич (Морозов, видимо, именно он руководил осадными работами. — В.П.) наряд за озеро перевез на то же место, где город стоит, а стоит на острове среди великого озера;... и стрелцов (в том числе и «прибор» Григория Кафтырева с их головой. — В.П.) всех у города поставя и туры поделав, наряд прикатя». Подготовка к бомбардировке заняла, судя по всему, один день, а на следующий день пушки наряда «учали бити с утра до обеда и стену до основания розбили»⁶². Комтур Мариенбурга, Каспар фон Зиберг, не стал дожидаться, когда московиты пойдут на штурм, прекрасно понимая, что отбить приступ шансов у него и его людей мало, а вот потерять головы — напротив, очень и очень много. Потому, решив не демонстрировать излишний героизм и служебное рвение, он капитулировал 14 февраля 1560 г.⁶³ Правда, по мнению Кетлера, Зиберг проявил недостойное ливонского рыцаря малодушие, почему и приказал арестовать комтура и посадить его в заключение в замке Кирхгольм, где тот вскоре и умер⁶⁴. Наш же герой со своими стрельцами был оставлен в Мариенбурге-Алысте гарнизоном, а сам Григорий, надо полагать, был награжден царским жалованием — Иван, получив

радостную весть-сеунч от воевод, послал к ним «с своим жалованьем 3 золотым князя Федора Палецкого»⁶⁵.

В следующий раз стрелецкого голову мы видим участником одного из важнейших военных предприятий Ивана Грозного — Полоцкого похода 1562/1563 гг. Однако перед этим Григорий 20 марта 1562 г. вместе с более чем сотней других князей и детей боярских «выручили князя Ивана Дмитриевича Белского» в том, что «не отъехать за нашу порукою до своего живота в Литву и в Крым, и в ыные ни в которые государства никуды, ни в уделы». В этой поручной записи обращают на себя внимание два момента. Прежде всего, в общем перечне поручившихся Григорий стоит на 26-м месте, впереди князей Ю.Г. Мещерского, Р.В. Охлябинина, Ф.И. Пожарского, В.С. Мосальского и некоторых других. И второй момент — Григорий ручался за верность князя Бельского сотней рублей, суммой по тем временам, как мы писали выше, очень солидной. Следовательно, можно с уверенностью предположить, что наш герой к тому времени был уже весьма зажиточным служилым человеком.

Но вернемся к Полоцкому походу. Еще раз подчеркнем, что он без преувеличения может считаться одним из крупнейших военных предприятий Ивана Грозного. Сохранился своего рода походный дневник этой экспедиции, так называемая «Записная книга Полоцкого похода» (такое название этого интереснейшего документа утвердилось среди историков), позволяющий судить о том, насколько грандиозен был этот поход. Сперва отметим, что для участия в нем были собраны служилые люди со всего Русского государства. Об этом свидетельствует и необычный, крайне редко встречающийся «наряд» полков — Государев, Большой, Правой руки, Передовой,левой руки, Сторожевой, Ертоул, а также большой, средний и малый «наряды». Рать возглавляло множество воевод — помимо самого государя и его брата Владимира Андреевича, двух татарских «царей» и четверых «царевичей», черкасского князя Василя, в походе участвовали 22 воеводы (20 в полках и при наряде и 2 дворовых). Далее, при буквальном прочтении дневника и ряда

других источников, в том числе зарубежных («Полоцкое взятие» вызвало бурную реакцию в Европе), получается, что в походе участвовала «тьмочисленная» рать — около 150 тысяч человек. У страха глаза велики, да и с точки зрения просвещенных европейцев, варвары (а в том, что русские являлись именно такими, они не сомневались) непременно должны были воевать и побеждать исключительно за счет колоссального численного превосходства. Поэтому принимать такую цифру на веру можно только при одном условии — в эти 150 тысяч были записаны все, кто в той или иной мере был привлечен к участию в этом походе: «сабли и пищали», обозная и артиллерийская прислуга, посоха и прочие, и прочие, и прочие. Реальный же боевой состав царского войска, согласно дневнику похода, летописным сведениям и разрядам, просчитывается достаточно точно. Суммируя эти данные, можно предположить, что царские полки насчитывали примерно 50—55 тыс. бойцов, в том числе 17,5 тыс. дворян и детей боярских, примерно столько же их послужильцев, 5,5 тыс. татар, мордвы и черемисов, 6 тыс. казаков, 1,1 тыс. даточных людей с северо-восточных городов и земель и около 5 тыс. стрельцов⁶⁶. Среди прочих стрелецких «приборов», отправившихся добывать Полоцк вместе со своим государем, был и кафтыревский вместе со своим головой.

История Полоцкого похода, осады города и его взятия заслуживает отдельного большого исследования, мы же остановимся несколько подробнее, насколько это возможно, на действиях стрельцов Кафтырева во время осады. Судя по всему, Григорий со своими людьми изначально был включен в состав Большого пола, номинальным командующим которого числился двоюродный брат Ивана Грозного князь старицкий Владимир Андреевич, а реально руководили ратными людьми князь И.Д. Бельский (тот самый, за которого в марте 1562 г. ручался сотней своих кровных рублей наш герой), П.И. Шуйский (еще один знаменитый русский военачальник) и В.С. Серебряный⁶⁷. По опыту предыдущих походов и осад, например казанской 1552 г., стрельцы Григория

двигались в авангарде, прикрывая развертывание Большого полка на намеченных предварительно позициях. Иван Грозный самолично 30 января «ездил смотрити города Полотцка, а со царем и великим князем были дворовые воеводы боярин Иван Петрович Яковля да князь Петр Иванович Горенский, да выборные все дворяня»⁶⁸. 31 января Большой полк встал на позиции «у Спаса на Шерешкове», видимо, у Спасо-Евфросиньева монастыря к северу от города на правом берегу Полоты⁶⁹. Отсюда он приступил к осадным работам, которые начались в ночь на 4 февраля, когда «царь и великий князь у города у Полотцка велел туры ставить». От Большого полка работами руководил князь В.С. Серебряный, «а с ним головы стрелецкие Федор Булгаков да Григорей Кафтырев, да Богдан Болтин с своими приказы, да головы з детми боярскими и другия з боярскими людми головы»⁷⁰.

«Поиззакопавшись» близ крепости и поставив туры, стрельцы Большого полка начали обстреливать город, выбивая его защитников из своих пищалей, ручных и полуторных (легких орудий, придававшихся стрелецким «приказам»), одновременно продвигая апроши и туры все ближе и ближе к полоцким стенам и рвам. Работа эта для них была хорошо знакома, потому как среди «огненных стрельцов» Григория Кафтырева было немало ветеранов еще той самой знаменитой казанской кампании 1552 г., не говоря уже о ливонских походах. 8 февраля полоцкий воевода Станислав Довойна, понимая, что посад ему отстоять не получится, решил оставить его, предварительно спалив, чтобы он не достался русским. Польские наемные жолнеры, во исполнение приказа воеводы, «болшой острог и ворота Острожные и в остроге церкви и гостины дворы и лавки в торгах и все острожные дворы зажгли во многих местех, а посадских людей из острогу учили забивати в город»⁷¹. Начавшийся переполох, шум и гвалт, столбы дыма, поднимавшиеся тот тут, то там, не оставляли простора для догадок. Сидевшие в «закопех» стрельцы (нашего героя в том числе) и казаки вместе с «боярскими людми» (послужильцами детей боярских) «изо всех полков», представив, что добыча, на которую они так рассчитывали,

ускользает из их рук, без приказа пошли на приступ. Преждевременное начало атаки не входило в планы Ивана и его воевод, «и царь и великий князь для того дела послал из своего полку голов князя Дмитрея Федоровича Овчинина да князя Дмитрея Ивановича Хворостинина, а велел тех людей побережи. И те головы в остроге ляхов потоптали и в город вбили и, дал бог, людей отвели здорово»⁷².

Осада продолжилась. Полоцк подвергался мощному обстрелу осадной артиллерии, действия которой красочно описаны в русских летописях. Большие и малые пушки и мортиры стреляли по городу «без опочивания день и ночь. И из наряду во многих местех вкруз города стены проббили, и ворота выбили, и обламки з города позбили, и людей из наряду побили, якоже от многого пушечного и пищального стреляния земле дрогати и в царевых великого князя в полкех; бе бо ядра у болших пушек по дватцети пуд, а у иных пушек не многим того полегче. Городная же стена не удръжашесе, но и в другую стену ядра прохожаше»⁷³. Стрелецкие пищали добавляли к этой грозной симфонии свои звуки, выбивая осмелившихся выйти из укрытий для исправления повреждений защитников города.

11 февраля 1563 г. Иван Грозный отдал приказ князю Серебряному и окольным М.П. Головину, распорядившись на переднем крае, приказ «идти к городу от Двины» и «туры поставити противу городу из завалья». Речь шла о том, чтобы продвинуть осадные работы через развалины посада к стенам полоцкой цитадели. Эта ответственная и опасная работа была снова поручена стрельцам и боярским людям. Среди тех, кто отправился выполнять царский приказ, были и Григорий Кафтырев со своими людьми⁷⁴. Осада близилась к концу, и выход русских апрошей непосредственно к стенам цитадели означал, что не за горами штурм, если, конечно, Довойна в очередной раз отклонит предложение о сдаче. А к чему мог привести приступ в ситуации, когда укрепления Полоцка были разрушены, значительная часть его защитников полегла под огнем русской артиллерии, стрельцов, казаков и детей боярских,

или попала в плен в неудачных вылазках, а оставшиеся были деморализованы не прекращавшимся ни на минуту на протяжении нескольких дней ревом русской артиллерии и осознанием полной безнадежности сопротивления — ни у кого ни в русском, ни в литовском лагере сомнений не вызывало. И когда ночью 14 февраля по приказу царя стрельцы «городовую стену зажгли во многих местех», Довойна и его люди «знамя городцкое со стены сняли» и выкинули белый флаг, изъявив желание «чтоб государь милость показал, стреляти бы по городу не велел, а вотчина, государь, Полотеск Божия да ево государева»⁷⁵.

Двухнедельная осада Полоцка закончилась триумфом русского оружия. После того, как были оговорены все формальности сдачи и перехода его в русские руки, 15 февраля «велел царь и великий князь в город ехать воеводам боярину князю Василию Семеновичу Серебряново (заслуженная награда воеводе, который большую часть осады провел на передовой, руководя осадными работами. — В.П.), а с ним дворяном и детем боярским многим да головам стрелецким всем со всеми стрельцы (и опять же, стрельцы заслужили право первыми войти в поверженный Полоцк, ибо на их плечи легла немалая часть осадных работ и борьбы с неприятелем. — В.П.)...»⁷⁶. Среди стрелецких приказов, занявших город, были, конечно же, и Григорий Кафтырев со своими бойцами.

Участие в «полоцком взятии» стало вершиной служебной карьеры Григория Кафтырева. Вряд ли он остался без царской награды за усердие и ревность, проявленные в ходе осады города. Во всяком случае, в 1566 г. Кафтырев уже числится «государя своего царевым и великого князя дворянином первой статьи» (полтора десятка лет тому назад он был, если вспомнить, сыном боярским 3-й статьи, одним из многих «тысячников») и участвует в Земском соборе, созванном в Москве в конце июня 1566 г.⁷⁷

Повод для созыва собора был более чем серьезен. Взятие Полоцка до основания потрясло Великое княжество Литовское и можно было бы надеяться,

что этот удар ускорит завершение очередной фазы длившегося уже не одно десятилетие русско-литовского конфликта. Однако за взятием Полоцка не последовало продолжения, более того, Иван Грозный согласился на перемирие с Сигизмундом II, великим князем литовским и польским королем. Набранный темп был потерян, литовцы сумели оправиться от шока, вызванного падением города, и даже перейти в успешное контрнаступление, одержав несколько болезненных для самолюбия Ивана побед. Переговоры о заключении перемирия зашли в тупик и царь «месяца июня в 28 день» «говорил со князем Володимером Ондреевичем... и со всем еже освященным собором, и со всеми бояры и с приказными людми, да и со князи и з детми боярскими и с служилыми людми, да и з гостьми и с купцы и со всеми торговыми людми» что делать в сложившейся ситуации, как поступить? Согласиться ли на перемирие на условиях литовцев («написати бы Ливонские земли в перемирную грамоту: которые города за царем и великим князем, те за царем и великим князем и написати, а которые немецкие города за королем, те бы за королем и написати»), или же, отвергнув их, готовиться к продолжению войны?⁷⁸

Посоветовавшись несколько дней, участники собора единогласно высказались за продолжение войны. Свое слово сказали и «государя своего царевы и великого князя дворяня первая статья» (всего таких было на соборе 196 человек, и на 34-м месте в их списке в приговорной грамоте собора вписан наш герой). Они заявили, что раз Сигизмунд не желает отдать Ивану «Полотцких поветов» «вверх по Двине реке пятнатцать верст, а внизх по Двине реке от Полотцка пять верст», раз он не желает «поступиться» «против тех городов, которых городов государь поступается королю», то «в том государю нашему царю и великому князю королева великая неправда» и потому «нам ся видит, холопом его, что государю нашему пригоже за то за все стояти, а наша должная, холопей его, за него, государя, и за его государеву правду служити ему, государю своему, до своей смерти». Одним словом, как заявили торопецкие помещики, также участвовавшие в работе собора, «мы, холопи его

государские, ныне на конех сидим, и мы за его государское дело с коня помрем»⁷⁹.

Увы, взаимные претензии и недоверие, нежелание идти на уступки (причем со стороны литовцев это нежелание было более чем заметно) сорвали попытку замирения и война продолжилась. И, естественно, опыту и навыкам Григория Кафтырева при возобновлении боевых действий нашлось бы должное применение, его карьера продолжилась бы. Кто знает, может, ему наконец удалось бы дослужиться до «именной» службы, удостоившись быть занесенным в «Государев разряд» и тем самым создав более выгодные условия для карьеры своих потомков (увы, о семье Григория, кроме имен его двух сыновей, мы ничего не знаем). Но, к сожалению, не сложилось — Григорий Кафтырев со своими сыновьями были казнены двумя годами позднее собора, весной 1568 г., по обвинению в участии в «земском» заговоре во главе с боярином И.П. Федоровым-Челядниным⁸⁰.

Что же произошло, почему прервалась и жизнь, и карьера нашего героя, до того развивавшаяся пусть и не очень скоро, но неуклонно? Представляется, что ответ надо искать в событиях, что происходили незадолго до собора и сразу после него, в той политической борьбе, что разворачивалась на русском политическом Олимпе в это время. Отмотаем ленту истории на несколько лет назад. В январе 1565 г. Иван Грозный предпринял шаг, вызывающий ожесточенные споры и по сей день — учредил знаменитую опричнину. Ее «устройство» сопровождалось казнями, опалами и «перебором» служилых людей в уездах, отписанных в «опришнину». Действия Ивана Грозного, его попытка перетасовать служилых людей, найти себе новую опору, сопровождаемые обычными для тех (и не только тех) времен неразберихой и злоупотреблениями, затянувшаяся война, приносящая все меньше и меньше доходов, а все больше расходы — все это способствовало росту недовольства среди служилых. Это недовольство подогревалось, судя по всему, теми боярскими кланами, которые видели в опричной реформе угрозу своему

положению при дворе и при власти. Растущая напряженность рано или поздно должна была разрядиться грозой, ожидание ее буквально висело в воздухе. Примечательно, что летописец занес в летопись мрачное знамение, случившееся как раз накануне собора 1566 г.: «месяца июня в 26 день, в среду на третеи неделе Петрова поста, на первом часу дни взошла туча темна и стала красна, аки огнена, и опосля опять потемнела, и гром бысть и трескот великой и молния и дождь, и до четвертаго часу»⁸¹.

Одним словом, обстановка в столице в начале лета 1566 г. была тревожной, и, наконец, гром грянул. Вскоре после закрытия собора большая делегация земских аристократов и служилых людей (по свидетельству немца А. Шлихтинга, более 300) обратилась к царю, по словам летописца, «биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему бытии»⁸². Разгневанный царь приказал арестовать челобитчиков, некоторых из них казнили, других подвергли битью батогами, большая часть, отсидев под караулом 5 дней, была отпущена на свободу, что, видимо, было связано с демаршем новоизбранного митрополита Филиппа Колычева, который фактически поддержал челобитчиков⁸³. И тут на ум приходит мысль — а не участвовал ли наш герой в этом событии, не был ли он одним из челобитчиков? Складывается впечатление, что да, был. Кстати, здесь возникает еще и вопрос о том, не был ли Григорий Кафтырев каким-то образом связан с Адашевыми, по происхождению мелкими костромскими вотчинниками, и с теми костромскими служилыми людьми, что оказались в казанской ссылке после учреждения опричнины⁸⁴. Если эти предположения верны, то участию Григория в коллективной челобитной удивляться не стоит, равно как не стоит удивляться и тому, что после этого он выходит из доверия Ивана Грозного.

Похоже, что положение Григория Кафтырева стало еще более сложным после того, как Костромской уезд в конце 1566 — начале 1567 гг. перешел в опричнину. «Перебор» служилых людей в нем не мог не затронуть его родственников и знакомых, и представляется вполне вероятным, что участие

нашего героя в подаче той злополучной челобитной сказалось на их судьбе не самым лучшим образом. Во всяком случае, среди известных опричников Кафтыревых нет. Выйдя же из доверия царя, попав под подозрение, Григорий Кафтырев мог больше не рассчитывать на дальнейшее продвижение вверх. У него оставалось два выхода — или отсидеться, оставаясь незаметным, переждать царскую грозу, или попытаться, изменить свою судьбу к лучшему, поставив на другую лошадь. Очевидно, Григорий, человек, судя по всему решительный и не испытывавший недостатка в смелости, решил рискнуть, и раз царь не мог теперь дать ему то, к чему он стремился, попытаться счастья на другой стороне.

Итак, говоря о смерти Григория, мы отметили, что его казнь стоит связывать с расследованием дела о земском заговоре. Мнения профессиональных историков, не говоря уже о любителях, расходятся радикально — от полного непризнания существования подобного заговора до, напротив, столь же безусловного согласия с предположением, что такой заговор, разветвленный и втянувший в свою сеть множество людей, был на самом деле⁸⁵. Сегодня, учитывая состояние источников, рассказывающих об этой странице русской истории, сложно сказать однозначно «да» или «нет» относительно наличия заговора. Однако, взвесив все имеющиеся сведения, мы склонны полагать, что все же если не заговор, то, во всяком случае, какие-то определенные действия по его организации группой недовольных политикой Ивана Грозного бояр предпринимались, и наш герой, видимо, оказался втянут в эту деятельность. Закончилось для него это печально, но обо всем по порядку.

Убедившись в том, что все попытки мирным путем урегулировать затянувшийся русско-литовский конфликт не имеют успеха, Иван Грозный решил повторить опыт полоцкого похода и нанести Литве удар, подобный тому, что имел место пятью годами ранее: «Лета 7076-го сентября в 3 день приговорил государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси поход свой и сына своего царевича князя Ивана Ивановича против своего недруга

литовсково короля»⁸⁶. Спустя две с половиной недели, 20 сентября 1567 г., Иван Грозный покинул Москву и отправился к Троице-Сергиеву монастырю, откуда 23 сентября убыл в Новгород. Тем временем на северо-западной границе постепенно начала собираться немалая рать — скакала поместная конница и татары, неспешно шли и ехали на казенных конях и подводах стрельцы и казаки, посошные люди тянули артиллерию и обозы⁸⁷. Примечательно, что в это же время Сигизмунд II сам собирал огромное, по литовским меркам, войско под Молодечно. В сентябре в королевском лагере насчитывалось около 30 тысяч, или несколько меньше, конных и пеших воинов и до 100 артиллерийских орудий — как писал белорусский историк А.М. Янушкевич, «это был наибольший сбор посполитого рушения не только за время Инфлянтской войны, но и вероятно за все XVI ст.»⁸⁸ Оперативность Сигизмунда, заблаговременно сумевшего собрать немалое войско, вызывает не меньшее удивление — до этого русские всегда опережали литовцев с развертыванием своих ратей перед началом кампании. А если учесть сведения о попытках Сигизмунда и жмудского старосты Я. Ходкевича настроить некоторых русских бояр против царя и организовать комплот с целью его свержения, а также тайные переговоры Ивана с английским послом А. Дженкинсоном о предоставлении ему убежища в Англии⁸⁹, эта оперативность выглядит еще более подозрительной.

24 октября Иван со своим двором и опричными полками прибыл в Великий Новгород, откуда спустя неделю «пошел для своего дела и земского к недруга своего к литовского короля и к неметцким городом к Луже (Лудзен — В.П.) и к Резице (Розиттен — В.П.), а лутцким воеводам (сбор главных сил рати был назначен в Великих Луках — В.П.) князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и всем воеводам изо всех мест велел сходить к себе на Ршанской ям»⁹⁰. Здесь, на Ршанском яме, 12 ноября состоялось совещание Ивана со своими воеводами, на котором было принято решение отказаться от продолжения похода. Официальной причиной его прекращения стали проблемы со снабжением,

концентрация литовских войск в приграничных районах и безнадёжное, по мнению собравшихся, отставание наряда (который, кстати, добрался к тому времени до Порхова), что нашло отражение, например, в дипломатической документации⁹¹. Между тем упоминавшийся выше Шлихтинг и Штаден сообщали, что отказ Ивана от продолжения наступления и его поспешное возвращение в столицу было вызвано сведениями о боярском заговоре, имевшим своей целью предать его власти литовского великого князя и польского короля, а новым царем сделать старицкого князя Владимира Андреевича⁹². Позднейший «Пискаревский летописец» рисует картину несколько иначе. По его словам, некие «лихия люди ненавистники добру сташа вадити великому князю на всех людей, а иныя по грехом словесы своими погибоша. Стали уклоняться [к] князю Володимеру Андреевичю», то есть, по меньшей мере, какие-то разговоры о желательности передачи власти старицкому князю велись среди земских⁹³.

Одним словом, нет дыма без огня, и, получив известие о заговоре, Иван Грозный пришел к выводу, что он реален, и распорядился начать следствие. По мере разматывания клубка интриг начались аресты и казни. Непосредственно после возвращения Ивана в Москву был казнен дьяк Казарин Дубровский с сыновьями и теми, кто пришел им на помощь. Дьяк был обвинен в том, что своими злоупотреблениями и взяточничеством сорвал своевременную доставку наряда на фронт и тем самым вынудил Ивана отказаться от его плана нанести мощный удар по Сигизмунду. Весной следующего, 1568 г., дошло и до конюшего боярина И.П. Федорова-Челяднина. Один из знатнейших и богатейших бояр, конюший пользовался большим авторитетом и влиянием в земщине, но имел подмоченную участием в интригах начала царствования Ивана репутацию. К тому же Федоров, судя по всему, не был в восторге от войны с Литвой, да и Сигизмунд пытался привлечь его на свою сторону. Одним словом, определенные подозрения у царя относительно лояльности боярина были, и когда в ходе следствия выяснилось, что именно Федоров являлся

главой заговорщиков, судьба его была решена. Боярина казнили, а вместе с ним было казнено множество его «людей» — видимо, послужильцев и слуг.

Среди прочих казенных по делу Федорова оказался и наш герой со своими сыновьями. Неясно, как, каким образом оказался Григорий связан с боярином. Стрелецкий голова большую часть своей службы провел в боях и походах, не при дворе, и вряд ли мог контактировать с Федоровым настолько близко и тесно, чтобы между ними установились достаточно тесные, если так можно выразится, «патрон-клиентские» связи. Правда, есть одно обстоятельство, позволяющее предположить, где и как Федоров и Кафтырев могли найти друг друга и где Григорий, обиженный царем, мог стать «человеком» боярина. Федоров «годовал» воеводою в Полоцке в 7074-7075 (т.е. 1565/1566—1566/1567 гг.)⁹⁴. И если Григорий со своими людьми остался в Полоцке после его взятия на гарнизонной службе, то нет ничего невозможного в том, что между ним и воеводой вполне могли установиться определенные отношения. А если еще добавить к этому, что Григорий мог быть недоволен переменой места службы (еще бы, одно дело служить в Москве, при государевом дворе, а другое — в Полоцке, на «горячей» границе), да еще и получить взыскание после того, как он и его люди поучаствовали в неудачной для русских Ульской битве зимой 1564 г., проигранной во многом благодаря своего рода «головокружению от успехов», поразившему русских воевод и начальных людей после «полоцкого взятия». А в этом сражении Григорий непременно поучаствовал бы, поскольку рать князя П.И. Шуйского была укомплектована полоцкими «годовальщиками» — детьми боярскими, стрельцами и казаками. И тогда мозаика снова складывается и все становится на свои места. И боярин, и стрелецкий голова могли воспринимать свою службу в Полоцке как своего рода опалу и иметь все основания желать изменить свою судьбу к лучшему.

Однако за неимением документов все это остается не более чем гипотезой, предположением, основанным на более чем косвенных свидетельствах и доказательствах. Как обстояли дела на самом деле, почему Григорий Кафтырев

оказался замешан в деле боярина Федорова, почему его как будто безупречная до того карьера оборвалась так трагически — об этом мы не знаем и вряд ли узнаем.

-
- ¹ Хэлдон Дж. История византийских войн. — М., 2007. — С. 343.
- ² Ле Боек Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. — М., 2001. — С. 50.
- ³ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 168.
- ⁴ Напр.: Никоновская летопись. — М., 2000 (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XIII); Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. — М., 2009 (Полное собрание русских летописей. Т. XXIX).
- ⁵ См.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551-1561 гг.). — Казань, 2006.
- ⁶ Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана, как исторический источник // Проблемы источниковедения. — М.-Л., 1940. — Сб. III. — С. 292.
- ⁷ Бархатная книга. — М., 1787. — Т. I. — С. 4.
- ⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1964. — Т. III. — С. 501.
- ⁹ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). — М., 2008. — Т. IV. — С. 135; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). — М., 1985. — С. 129.
- ¹⁰ См., напр.: Шумаков С. Обзор «Грамот Коллегии экономии». — М., 1917. — Вып. 4. Кострома «с товарищи» и Переславль-Залесский. — С. 120, 156.
- ¹¹ АСЗ. — М., 2008. — Т. IV. — С. 135.
- ¹² Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. — М., 1986. — С. 156.
- ¹³ Веселовский С.Б. Ономастикон. — М., 1974. — С. 137.
- ¹⁴ АСЗ. — М., 1997. — Т. I. — С. 129.

-
- ¹⁵ Антонов А.В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV–XVI веков // Русский дипломатарий. – М., 2003. – Вып. 9. – С. 35.
- ¹⁶ АСЗ. – М., 1997. – Т. I. – С. 130.
- ¹⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. – СПб., 1813. – Ч. I. – С. 350.
- ¹⁸ Шумаков С. Обзор «Грамот Коллегии экономии». – С. 325, 429–430.
- ¹⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. – М.–Л., 1950. – С. 68, 140.
- ²⁰ Русский хронограф. – М., 2005 (ПСРЛ. Т. XXII). – С. 532.
- ²¹ Шумаков С. Обзор «Грамот Коллегии экономии». – С. 348.
- ²² ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 238.
- ²³ Негри А. Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1844. – Т. I. – С. 384.
- ²⁴ Цит. по: Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М., 2006. – С. 140.
- ²⁵ Там же. – С. 142–143.
- ²⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 170; Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. – М., 1990. – С. 109.
- ²⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – СПб., 1887. – Т. II: 1533-1560 (Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 59). – С. 376.
- ²⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 171.
- ²⁹ Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. – М., 1997. – С. 23.
- ³⁰ Там же.

-
- ³¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – СПб., 1887. – Т. II: 1533–1560. – С. 450.
- ³² Новиков Н. Продолжение Древней Российской вивлиофики. – СПб., 1793. – Ч. VIII. – С. 139, 155–156; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – С. 109; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2002. – С. 230–231.
- ³³ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. – Казань, 2008. – С. 103, 104.
- ³⁴ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 225.
- ³⁵ Зайцев И.В. Астраханское ханство. – С. 150–151; ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 225.
- ³⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 236.
- ³⁷ См., напр.: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 229–231.
- ³⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга (далее – ДРК) официальной редакции (по 1565 г.). – М., 1901. – С. 171.
- ³⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – С. 165.
- ⁴⁰ Львовская летопись. – М., 2005 (ПСРЛ. Т. XX). – С. 552.
- ⁴¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – СПб., 1887. – Т. II: 1533–1560. – С. 447, 450, 454.
- ⁴² ПСРЛ. – Т. XX. – С. 560; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – С. 157.
- ⁴³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – С. 156.
- ⁴⁴ Там же. – С. 165, 174.
- ⁴⁵ Там же. – С. 157, 158, 177.
- ⁴⁶ Там же. – С. 177.

-
- ⁴⁷ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 238.
- ⁴⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 256.
- ⁴⁹ Там же. – С. 258.
- ⁵⁰ ПСРЛ. – Т. XX. – С. 562–563.
- ⁵¹ Разрядная книга (далее – РК) 1550–1636 гг. – М., 1975. – Т. I. – С. 36.
- ⁵² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 262; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – С. 181, 183.
- ⁵³ РК 1550–1636. – С. 36.
- ⁵⁴ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 261.
- ⁵⁵ Там же. – С. 282.
- ⁵⁶ ДРК. – С. 215-217; РК 1475-1605. – М., 1981. – Т. II. – Ч. I. – С. 62–66.
- ⁵⁷ Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига, 1883. – Т. IV. – С. 29; Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига, 1879. – Т. II. – С. 378.
- ⁵⁸ Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands (далее Archiv). Neue Folge. – Reval, 1864. – Bd. IV. – S. 171; Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. – Riga, 1868. – Bd. III: 1559–1560. – S. 267.
- ⁵⁹ Псковская 3-я летопись. – М., 2000 (ПСРЛ. Т. V. Вып. 2). – С. 238.
- ⁶⁰ ПСРЛ. – Т. V. – Вып. 2. – С. 238; РК 1475-1605. – Т. II. – Ч. I. – С. 65; Рюссов Б. Ливонская хроника. – С. 385; Archiv. – S. 192.
- ⁶¹ Renner J. Livländische Historien. – Göttingen, 1876. – S. 283–284.
- ⁶² ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 285.
- ⁶³ Рюссов Б. Ливонская хроника. – С. 385; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. (1544-1648). – СПб., 1893. – Т. I: Борьба из-за Ливонии. – С. 108.
- ⁶⁴ Рюссов Б. Ливонская хроника. – С. 385; Henning S. Liffländische Churlendische Chronica von 1554 bis 1590. – Riga, 1857. – S. 39.

⁶⁵ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 285.

⁶⁶ Подсчитано автором по: Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 123–129, 132–134, 163–165, 167; Буганов В.И. «Взятие полоцкое Литовские земли» – описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. – М., 1969. – Вып. 31. – С. 215–218; ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 308–311 и др.

⁶⁷ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. – С. 121.

⁶⁸ Там же. – С. 138.

⁶⁹ См., напр.: Володихин Д.М. Иван Шуйский. – М., 2012. – С. 102.

⁷⁰ Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 164; Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. – С. 139.

⁷¹ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 310.

⁷² Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. – С. 166; Буганов В.И. «Взятие полоцкое Литовские земли"... – С. 218; ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 310.

⁷³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 356.

⁷⁴ Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. – С. 167.

⁷⁵ Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. – С. 168; ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 357.

⁷⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 358.

⁷⁷ О соборе см., напр.: Скрынников Р.Г. Царство террора. – СПб., 1992. – С. 266–272.

⁷⁸ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 350–351.

⁷⁹ Антонов А.В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 176, 178.

-
- ⁸⁰ Синодик опальных Ивана Грозного 1583 года // Памятники истории русского служилого сословия. – М., 2012. – С.214; Синодик опальных царя Ивана Грозного // Скрынников Р.Г. Царство террора. – СПб., 1992. – С. 530.
- ⁸¹ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 350.
- ⁸² Пискаревский летописец. – М., 1978 (ПСРЛ. Т. XXXIV). – С. 190; Шлихтинг А. Новое известие о времени Ивана Грозного. – Л., 1934. – С. 38.
- ⁸³ Скрынников Р.Г. Царство террора. – С. 294–295; Шлихтинг А. Новое известие о времени Ивана Грозного. – С. 39.
- ⁸⁴ См.: Зимин А.А. Опричнина. – М., 2001. – С. 201–204.
- ⁸⁵ Разбор существующих мнений относительно существования заговора см., напр.: Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. – СПб., 2004. – С. 200–203.
- ⁸⁶ РК 1475–1605. – М., 1982. – Т. II. – Ч. II. – С. 221.
- ⁸⁷ Там же. – С. 221–223.
- ⁸⁸ Янушкевіч А. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558-1570 гг. – Мінск, 2007. – С. 150.
- ⁸⁹ См., напр.: Скрынников Р.Г. Царство террора. – С. 307–308; Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией (1553–1593). – СПб., 1875. – С. 39.
- ⁹⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – СПб., 1892. – Т. III: 1560-1571 (Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 71). – С. 562.
- ⁹¹ Там же. – С. 563.
- ⁹² См., напр.: Шлихтинг А. Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана // Шлихтинг А. Новое известие о времени Ивана Грозного. – С. 61–62.
- ⁹³ ПСРЛ. – Т. XXXIV. – С. 190.
- ⁹⁴ См., напр.: РК 1475–1605. – Т. II. – Ч. I. – С. 209, 214.